

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
И ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Статья А. Ф. Дашдамирова, публикуемая нашим журналом, ценна и интересна во многих отношениях. Автор очень четко ставит вопрос о социально-исторической и классовой обусловленности национальной психологии. Он правильно подчеркивает особую актуальность исследования национальной психологии на современном этапе развития советского общества, в эпоху развитого социализма. Хотелось бы добавить, что эта актуальность в очень большой степени определяется и особенностями международного положения и международных отношений. Пожалуй, не было в мировой истории периода, когда национальное самосознание, особенно в странах и регионах зарубежной Азии, Африки, Океании, играло бы такую большую роль в вопросах внешней и внутренней политики государств и так органически входило бы в их официальную идеологию. Приведем в этой связи известные примеры, касающиеся стран арабского региона, Израиля, КНР. То же явление, связанное с процессами национальной консолидации, характерно для молодых тихоокеанских стран (Папуа Новая Гвинея, Вануату, Соломоновы острова и др.).

Конечно, очень своевременно привлечь внимание исследователей, как психологов, так и этнографов и культуроведов, к связям национальной культуры и национальной психологии и вообще к углубленному изучению внутреннего строения феномена национальной культуры. Однако здесь возникают некоторые проблемы как методологического, так и конкретно-научного характера.

Говоря о предмете национальной психологии, большинство авторов, в особенности философы и психологи, непосредственно соотносят национальную психологию с классовыми и вообще социально-историческими особенностями развития нации.

К национально-психологическим особенностям зачастую относят только то, что непосредственно обнаруживается на уровне общественной, социальной психологии, пишут о «национальном сознании» и «национальной психологии» как о синонимах; иногда же через запятую говорят о «национальном характере» и «национальной психологии». В ряде работ проблема национальной психологии практически отождествляется с национальными стереотипами и вообще связывается исключительно с интернализированными межнациональными стереотипами, с одной стороны, и с национальным самосознанием, — с другой.

Зачисляя этническую или национальную психологию целиком в состав общественной, социальной психологии, сводя соответствующую проблематику к тому, что отражено в общественном сознании и имеет социальные функции, мы, однако, чрезвычайно обедняем ее содержание. Так, например, А. Ф. Дашдамиров предлагает выделить следующие группы социально-психологических факторов, в совокупности образующих национальную психологию и дающих представление о ее структуре: а) национальные интересы и потребности, национальные установки, ценностные ориентации; б) психический склад нации; в) национальные чувства и отношения. При этом психический склад нации он понимает как исторически складывающуюся совокупность национального характера, своеобразных черт социального темперамента, психической стороны традиций и обычаев, вкусов, привычек, эмоционально-психологических реакций.

Анализируя эту классификацию, можно видеть, что А. Ф. Дашдамиров, как и большинство других авторов, не случайно не приводит никаких конкретных примеров. Последовательно развивая на методологическом уровне определенное понимание национальной психологии, он не может пройти мимо самого факта существования таких этнопсихологических особенностей, которые не сводимы к «общественно-психологическим процессам», но старательно подтягивает их к социальной психоло-

гии. Что такое, например, «своеобразные черты социального темперамента» и, вообще, что такое этот социальный темперамент? В психологии такого понятия нет, это — чистая метафора, как и «национальные потребности».

Можно возразить, что, например, в книге А. И. Горячевой и Н. Г. Макаровой «Общественная психология»¹, понятие темперамента вводится именно в данном смысле со ссылкой на К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Грамши. Но одно дело, когда основоположники марксизма и видные философы-марксисты употребляют то или иное выражение, и совсем другое, когда оно входит в их терминологическую систему. Маркс, Энгельс, Ленин, Грамши нередко пользовались в своих работах образами, метафорами, полемическими и публицистическими приемами; но ведь не всякая метафора есть термин! Вспомним яркую формулу Маркса: «Логика — деньги духа»². Но можно ли возводить ее в ранг научного определения, хотя в ней и была выражена — пусть косвенно — общность логических форм и денег как перенесенных форм социальной деятельности? И очень логично, что авторы цитированной книги определяют национальный темперамент негативно («не тот темперамент»), характеризуя его позитивно лишь как социальное, социально и исторически детерминированное явление. Больше им сказать просто нечего.

В том-то и состоит одна из фундаментальных трудностей исследования этнической и национальной психологии, что философы, историки, социальные психологи, говоря об отдельных сторонах и компонентах психологического склада нации, национального характера и т. п., остаются на уровне общих деклараций и метафорических, не наполненных конкретно-научным содержанием выражений типа «национальных потребностей».

Действительно: если мы говорим о национальной психологии, то первейшая задача — не только вписать предмет нашего анализа в систему социально-психологических явлений, но прежде всего найти ему место в системе общей психологии. Эту задачу автор данной заметки пытался если не решить, то поставить в статье «Личность как историко-этническая категория»³. Тогда „и только тогда" этнопсихологические особенности той или иной общности предстанут перед нами не как перечень, но в их взаимосвязи друг с другом и с иными — общечеловеческими, присущими данному конкретному обществу, групповыми, наконец, индивидуально-личностными психологическими особенностями. Прежде чем говорить о национальных потребностях, необходимо, следовательно, ясно представить себе роль потребностей в психической деятельности вообще, их классификацию и др., и соотнести это понятие со всей психологической теорией потребностей. Прежде чем говорить об «эмоционально-психологических реакциях», надо основательно разобраться, что по поводу социальной (и в том числе этнической) обусловленности эмоциональных проявлений, да и самих эмоций, может сказать общая психология — а ей сейчас есть что сказать по этому поводу. А многие вещи, активно неотъемлемые от этнопсихологической проблематики, окажутся вообще вне интересов философов и социальных психологов, что не делает их менее ценными для общего психолога: это касается национальных особенностей протекания отдельных психологических процессов (например, процессов восприятия, памяти), этнопсихологического аспекта системы вербальных и невербальных значений, интернализуемых членами данной общности, и т. п.

Думается, мы сейчас обсуждаем не одну, а две связанные, но разные проблемы, и отсюда все сомнения и вопросы. Одна проблема: национально-психологические аспекты социальной психологии групп, классов, общества; сюда же относятся проблемы этноцентризма, национальных стереотипов и т. д. Здесь, так сказать, мы идем от социологии и социальной психологии, и для нас существеннее вскрыть социальную детер-

¹ Горячева А. И., Макарова Н. Г. *Общественная психология*. Л., 1979, с. 127—128.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956, с. 625.

³ См.: Сов. этнография, 1981, № 3.

минацию описываемых явлений, их место в общественном сознании и/или их влияние на общественное бытие и общественное сознание, чем соотносить эти явления с другими сторонами деятельности, сознания, личности отдельного человека. В этом смысле целесообразно, видимо, говорить о *национальной психологии* как об одной из частей социальной психологии (другой вопрос, что и социальная психология имеет свой развитый понятийный аппарат).

Еще одна проблема: историческая и этническая вариантность общепсихологических явлений, а также их взаимосвязь в аспекте индивида и личности. Здесь мы идем от общей психологии и, претендуя на системность анализа, заведомо теряем в его полноте, так как временно абстрагируемся, так сказать, от непосредственных социальных последствий и от путей социально-исторического генезиса исследуемых нами феноменов. Для такой области знания можно использовать термин *этнопсихология*, рассматривая ее как часть общей психологии.

А как же быть с целостностью этнопсихологии (или национальной психологии) как единой междисциплинарной области? Чтобы эта целостность была обеспечена, необходимо сначала обеспечить единство общей и социальной психологии. К этому сейчас идет дело, но до создания интегральной психологической теории, которая включала бы в себя эти две — сейчас в значительной мере разобщенные — психологические дисциплины, пока еще очень и очень далеко. А до тех пор все попытки синтезировать оба подхода к национально-психологическим явлениям, по-видимому, заранее обречены на неудачу.

С. Л. Арутюнов

ОБ УСЛОВНОСТИ ПОНЯТИЯ «ЭТНОПСИХОЛОГИЯ»

Само существование нашей науки — этнографии обусловлено тем тривиальным фактом, что человечество разделено на большое число этнических групп, каждая из которых обладает своими особенностями культуры, а следовательно, и поведения. При этом, естественной для каждой группы нормой представляется свое поведение, а поведение другой группы — некоторым отклонением от нормы. Японец улыбается, сообщая неприятное известие, а индеец, наоборот, при этом хмурится. Поведение японца покажется странным индийцу, но не менее странным покажется и поведение индийца японцу. Допустим, что есть этносы, представители соответствующих слоев которых более предрасположены, например, к коммерции, чем представители аналогичных слоев других этносов. Но как избежать этноцентризма? От какой точки отсчитывать «больше» или «меньше», если не от самих себя?

Психологию индивидов или даже психологию отдельных групп внутри этноса мы можем изучать в сравнении, сопоставлять между собой. Ведь эти индивиды и группы существуют в одной и той же природной и социальной среде, стоят перед сходными проблемами общезнаменательного или (что, по сути дела, то же самое) общенационального масштаба. И если они на один и тот же вызов этой среды, на одну и ту же стереотипную ситуацию реагируют по-разному, в этом, помимо всего прочего, проявляется и их различная психология.

Но этносы — не индивиды. Каждый этнос имеет свою собственную среду обитания, свою территорию, свои конкретно-исторические условия, свое особое окружение. Даже в полиэтническом обществе, как, например, малайзийское, каждый этнос имеет свою более или менее специфичную социальную «экологическую нишу» — малайцы одну, китайцы другую, индийцы третью. Следовательно, они реагируют по-разному